

13.01.06

18

№3 (1881)

13 января 2006

Дунаевский Максим

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Композитор Максим ДУНАЕВСКИЙ:

«У нас шоу-бизнесом называют музыкальный хлам»

Андрей Морозов

Несмотря на большие бюджеты, которые выделяются на производство российских версий западных мюзиклов, прижиться в нашей стране могут немногие из них. Даже самые громкие проекты, собравшие на Западе миллиарды долларов, уже побаиваются приходить на российскую сцену. Поэтому 2006 год имеет все шансы стать годом триумфа российско-го мюзикла, который пока находится в тени. «Новые Известия» встретились с Максимом Дунаевским, автором многих советских и российских мюзиклов, в том числе одного из самых заметных проектов прошлого года — «Веселые ребята». Правда, сам композитор свою последнюю работу пока оценивает скептически.

— Максим Исаакович, в прошлом году состоялась премьера вашего с отцом музыкального спектакля «Веселые ребята». Насколько успешным оказался этот проект?

— По-моему, он не совсем доведен до ума, и поэтому судить о его успешности пока невозможно, хотя поначалу публика очень хорошо восприняла спектакль. Недостаточность рекламы из-за отсутствия денег тоже играет свою отрицательную роль. Вот когда проект будет доведен до того состояния, когда все, кто его делал, будут довольны, тогда можно будет говорить о его удаче или неудаче. Играется он очень редко, и это в данной ситуации хорошо.

— Как профессионал, что вы скажете по поводу того, что все мюзиклы, которые в последние годы шли и идут в России, привозные? Неужели у российского мюзикла нет никакого будущего?

— Я убежден, что советский мюзикл развивался в совершенно верном направлении. В современной России было поставлено несколько хороших мюзиклов, но они остались в тени шумных музыкальных проектов, привезенных из-за границы, а также благодаря большой конкуренции между театрами и недостаточной пропаганде. Из-за границы к нам привезены абсолютно провальные проекты — провальные как с коммерческой точки зрения, так и с художественной. Например, несколько лет назад шел не замеченный ни публикой, ни прессой мюзикл «Дракула». Потом совершенно перестали писать об «Истивских ведьмах». Думаю, что такая же участь ждет и «Кошек», несмотря на то что постановка сделана по кальке главного спектакля. У нас прижились и выжили только два французских мюзикла — «Нотр-Дам» и «Ромео и Джульетта».

— Еще в Театре имени Моссовета несколько лет идет «Иисус Христос — суперзвезда».

— И очень удачно идет. Не знаю, каким образом он был поставлен, ведь владельцы всегда требуют полной кальки, но у нас он идет по-своему, он несколько адаптирован к России. Кстати, я считаю, что адаптировать спектакли — это самый верный путь. В свое время американцы делали это с европейской опереттой — переделывали ее на свой лад, и таким образом ряд классических оперетт стали классикой Бродвея и тем, что мы называем бродвейским мюзиклом. Не так давно я был на Бродвее, посмотрел несколько современных мюзиклов и могу сказать, что они отличаются от тех многомиллионных в плане бюджета и шикарнейших представлений, которые идут у нас. Современный мюзикл может быть с одним стулом на сцене и одним стулом.

— И это пользуется спросом?

— Стопроцентным. Музыкальные комедии на Бродвее идут в огромных количествах, они просто заполнили его, а их актеры чем-то напоминают стиль выдающихся актеров 30-х годов. В общем, привезенными мюзиклами нас пытались отучить от того, что у нас было. А у нас были самые разнообразные теат-

ВЛАДИМИР МАШАКИН

Максим Дунаевский — сын известного советского композитора Исаака Дунаевского. Родился 15 января 1945 года. В 1970 году окончил теоретико-композиторский факультет Московской консерватории по классу композиции у Тихона Хренникова. Широкую известность Максиму Дунаевскому принесли мюзиклы «Тили-тили-тесто...» (1968), «Емелино счастье» (1975), «Три мушкетера» (1977), «Дети капитана Гранта» (1987). Он автор музыки более чем к 30 кинофильмам, среди которых: «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Карнавал», «Ах, водевиль, водевиль!», «Трест, который лопнул», «Зеленый фургон», «Мэри Поппинс, до свидания!». До сих пор большой популярностью пользуется музыкальная картина «Д'Артаньян и три мушкетера», снятая Георгием Юнгвальд-Хилькевичем в 1978 году по мюзиклу Максима Дунаевского. Кроме того, на счету композитора — концерт для оркестра, кантата для хора А. САРРЕЛЛА «Старые корабли», камерно-инструментальные ансамбли, сонаты, циклы романсов, хоры. С 1992 года он периодически работает в США, написал музыку к ряду голливудских фильмов.

ральных мюзиклы — и «Автоград» Гладкова, и «Хоаким Мурьетта», и «Юнона» и «Авось» Рыбникова, и мои «Три мушкетера». Кстати, мой мюзикл «Мэри Поппинс» до сих пор идет в Петербурге.

Мы еще лукаво разделяем мюзиклы и музыкальные спектакли, а на Бродвее мюзиклом называют все, где есть большое количество музыки, песен, танцевальных номеров. Зачем так сужать понятия? Кстати, «Веселые ребята» из разряда музыкальных комедий.

— Очень заметно, что на различных конкурсах молодых исполнителей звучат в основном песни прошлых лет. Как вы думаете, это ностальгия или тупик — из нового петь нечего?

— Во-первых, старые песни поют не только у нас, но и во всем мире. Даже в благословенной в плане шоу-бизнеса Америке поют старые песни. Если песня выживает через двадцать-сорок лет, то это значит, что она по-настоящему хороша. С высоты времени отобрать песню, которая нравится людям, легче. Этот процесс нормальный, но почему он стал заметен именно сейчас? Раньше исполнителям было запрещено переделывать, переаранжировывать песни. Пять песни разрешалось только в том виде, в каком их сделали авторы, и это был не их каприз, такое было время. Я же всегда приветствовал, чтобы мои песни адаптировали к новому поколению. Это и есть настоящая жизнь песни, иначе прерывается преемственность. Думаю, что благодаря современной аранжировке старые произведения зазвучали по-новому. Многие современные исполнители делают старые песни под себя, но другое дело, что есть варианты плохого качества. Философски говоря, каждому поколению свойственно вздыхать: «Вот раньше песни были! Сейчас таких нет...» Побрызгать мы все мастера, но есть же объективные вещи, и тенденция создания новых аранжировок старых песен объективна.

Сегодня, например, песня перестала быть ярко мелодичной. Она больше пресле-

дует цели импульса, энергетика и движения. Если раньше песня влияла на эмоциональную сферу, то сегодня эта эмоция будится ногами — я говорю о дискотечной музыке. Мелодия в этом случае не совсем и нужна, нужен ритм. Лирика провалилась по одной простой причине — ее сегодня стали писать сами исполнители, участники групп и аранжировщики. Она стала провальной из-за совершенно стертых слов, хотя очень многим такая «лирика» кажется современной. В некоторых случаях сегодняшние лирики говорят напрямую о тех вещах, которые раньше поэты несколько вуалировали. Но тем не менее это несколько не снимает ответственности за мастерство написания стихов и музыки. Про музыку я даже не знаю что и сказать, а слова настолько слабее музыки, что даже говорить не о чем.

— А как «Ландыши» ругали в советские годы!

— Это теперь классика. Это просто Пушкин какой-то.

— Некоторые ваши коллеги сейчас говорят о необходимости возврата худсоветов...

— Я положительно отношусь к этому и всегда считал, что худсовет необходим. Во-первых, это собрание профессиональных людей, которые могут судить. Для них важен принцип: профессионально что-то сделано или нет. Музыкально это или уровень самостоятельности. Они не должны запрещать ту или иную идеологию, как это было при советском режиме, они должны судить исключительно о профессионализме.

— А у вас были проблемы с худсоветами?

— Были. Меня просили что-то поправить, но замечания были незначительные. Это говорило еще о том, что у меня был вкус и свой внутренний редактор. Он должен быть у каждого. Если его нет, значит, человек или крайне непрофессионален, или авантюрист. Судя по тому, что происходит, таких большинство.

— Раньше песня строить и жить помогала, а сейчас в чем она помогает?

— Сегодня тот жанр исчез. Я по этому поводу несколько не страдаю, потому что считаю, что каждое время выдвигает свой жанр. Нынешнее время выдвинуло ноги. Конечно, было бы хорошо, если бы был какой-то противовес этим ногам. Советское время выдвинуло жанр массовой песни как песни сплывающей.

— Но ведь не только патристические марши сплывали, но и Утесов.

— Да, в противовес были лирические песни, но основополагающей была песня массовая. Сейчас тоже часто вспоминают «Широка страна моя родная» или «Марш энтузиастов», замечательные песни Соловьева-Седого и Блантера. Они все стали хитами, но все как-то забыли об их огрехах. Сегодня этого жанра нет и быть не может. Сегодня общество стало индивидуализированным, и большую роль играет субъективизм. Большевик ушел, и новые демократические тенденции признают мнение меньшинства. Наверное, поэтому ушел сплывающий момент песен. Песни сегодня рассчитаны на разные ниши — так, как это существует, например, в американском шоу-бизнесе. То есть на определенные возрастные ниши, а вот на социальные, к сожалению, нет. Есть старые песни, которые любят совсем юных. Для юных, потому что все молодежные девичьи группы типа «стрелок-белок», «Блестящих», «Виа Гры» и так далее нравятся совсем юным, они и поют их песни. И по музыкальному примитивизму, и по содержанию этих песен — там же абсолютно детское мышление. Основной зритель нашей попы — дети от 10 до 16 лет.

— Но если посмотреть на выступления некоторых девичьих групп, то складывается впечатление, что им впору выступать у шеста в стриптиз-клубе, а их выступления показывают по главным каналам телевидения.

— Проще говоря — для чего понадобилась эротика? Примитивизм материала и исполнения должен чем-то компенсироваться. Вот они и компенсируют тем, что хотят сексуально привлечь публику, в основном мужскую часть, особенно юношескую. Я с удовольствием посмотрю на формы этих девочек, но ничего другого не смогу воспринять. Шестнадцатилетний юнец вместе с этим впитывает все остальное.

Надо что-то этому противопоставлять, а это очень трудно. Проблема тут не только в том, что у хороших исполнителей нет денег на рекламу. Но и в том, что тот стиль, о котором мы говорили, воинствующий, кричащий, попадающий в самые низменные уголки человеческой души и разлагающий внешне и внутренне. Это давление на самые примитивные струны. И этому надо противостоять.

Кстати, если говорить о проклятом Западе, который у нас воспринимают как знамя, то там все по-другому. Вот там работают и художники, и редсоветы. Там никогда не выступают в эфир такой безвкусицы, не говоря уже о показе голой или полуголой груди исполнительницы.

Я прожил в Америке девять лет, знаю многих продюсеров лично и совершенно убежден, что они никогда не допустили бы такого, что допускают у нас многие. Мы до сих пор смотрим на Запад и на Америку как на мир чистогана, а там это время уже закончилось. Там люди имеют совесть. Может быть, в каких-то низких слоях общества и могут пойти против совести, но те, от кого зависит что-то в мире или в обществе, не будут продавать свою совесть.

То, что происходит у нас, — очень далеко идущий процесс. Та же коррупция. Она существует не только на государственном уровне, но и на телевизионном — на уровне программных директоров, простых редакторов, маленьких телекомпаний. Везде и все берут деньги с продюсеров и их исполнителей. Поэтому совесть отсутствует начисто! Поэтому мы и слышим весь этот музыкальный хлам и называем его шоу-бизнесом.